

находилось в полной зависимости от размера крестьянского землевладения и наличия рабочего скота в хозяйстве. Недостаточное обеспечение крестьянского населения землей усиливалось еще и тем обстоятельством, что площадь земли была невелика, по сравнению с высокой плотностью населения. Весьма существенным препятствием для улучшенной обработки крестьянских полей была слабая обеспеченность крестьянства рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями. Существующие условия не позволяли крестьянской семье покрыть самых насущных продовольственных и хозяйственных нужд по содержанию людей и поддержанию хозяйства.

Примечание

1. ГАКО, ф.4.оп.1,д.55.л.л.1–16.
2. Краеведческие записки, вып.2. Курск, 1963. 180 с.
3. Курский сборник. Издание Курского губернского статистического комитета. Курск, 1902. 111 с.
4. Курская губерния. Итоги статистических исследований. Курск, 1887. С.103.
5. Материалы специальной комиссии по исследованию движения и благосостояния сельского населения среднеземельных губерний. СПб., 1903. Ч.1. 222–223 с.
6. Материалы по крестьянскому и частному землевладению Курской губернии. Курск, 1905. С.32.
7. Материалы по крестьянскому частному землевладению Курской губернии. Курск 1908–1909 гг. С.17.
8. РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 163, лл. 3–4, д. 191, л. 12, д. 195, л.6.
9. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып.10. Курск, 1885. 73 с.

ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ В ПОМЕЩИЧЬЕЙ УСАДЬБЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Онопrienко Инна Григорьевна

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается положение дворовых людей в помещичьей усадьбе в пореформенный период. Весь штат условно делился на несколько категорий, и положение их было различным. Дворовые были ближе всего к владельцу усадьбы, поэтому особое влияние на их образ жизни оказывали личные качества хозяина, перемены в усадебном хозяйстве, введение различных новшеств в быту.

Ключевые слова: помещичья усадьба, дворовые люди, образ жизни.

State of house serfs in country-seat after reform 1861 year is considered in this article. Conditionally all staff of them divided up into some categories, state of them was different. House serfs were closer to owner of country-seat, so personal-

ity of owner, changes and innovations in country-seat influenced on their mode of life especially.

Key words: country-seat, house-serfs, mode of life.

Ближе всего к владельцу усадьбы стояли дворовые люди. Особое влияние на их образ жизни оказывали личные качества хозяина, многочисленные перемены в барском хозяйстве, введение различных новшеств в быту. Наибольшее число дворовых было у самых состоятельных помещиков и, прежде всего, в усадьбах Черноземного центра (Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Тульская и Рязанская губернии). При среднем количестве – 6,2% дворовых в общем числе крепостного населения России – в Черноземном Центре дворовые составляли 27%. Наибольшее их число было сосредоточено у помещиков Курской губернии (14,5%)¹.

Следует отметить, весь штат дворовых условно делился на несколько категорий (в зависимости от рода занятий). Необходимо различать дворовых, как таковых, то есть тех, кто жил на дворе и обслуживал усадьбу, и домашнюю, комнатную прислугу (прислуга при доме), обслуживавшую непосредственно хозяев.

Положение их было различным. Собственно дворовые были специалистами и каждому было поручено определенное дело: черная кухарка для людской избы, готовившая пищу для дворовых, садовник с помощником, огородницы, скотница, работавшая в хлевах и доившая коров, дворник, кучера, конюхи, псары, столяр, слесари, портные, сапожники и так далее (в зависимости от благосостояния помещика). Они жили в людской избе, а иногда, у либеральных помещиков, даже строили на барском дворе небольшие избышки. Жили семьями и их дети помогали родителям, со временем сами, становясь дворовыми специалистами, им на барском огороде могли выделять землю под гряды и они даже могли содержать домашний скот на барских кормах. Так, в тамбовской усадьбе Сергеевка: «коровы, утки, куры мешались с помещичьими, кормились из сергеевских овинов, гумен, с их лугов, их соломою»². В общем, были различные варианты их быта. Общим же было то, что это были специалисты с определенным кругом обязанностей, а следовательно, в них нуждались, их до известной степени берегли и на них не слишком распространялись барские капризы.

Совсем иным было положение комнатных «людей» (прислугу называли во множественном числе «люди», в единственном «человек», «мальчик», «девушка», хотя такой девушке могло быть под пятьдесят лет; реже их называли по именам: Иван, Петр, Степан, а чаще Ванька, Петрушка, Федька; только старых заслуженных слуг да пожилых дворовых специалистов могли называть по отчеству: Дормидонтыч, Степаныч, Евсеич. Их положение во многом зависело от желаний, пристрастий и возможностей хозяина. Эти питались в застойной, не имели не только собственного жилья, но даже и постоянного места для сна, располагаясь на ночь вповалку на полу на собственной одежде» «Все эти категории и разновидности дворни лепились по разным застойным, флигелям, конюшням, баням, плодились, размножались, не пеклись о завтрашнем дне...»³.

Не имея определенных обязанностей, комнатные слуги рассматривались как никчемные тунеядцы. Действительно, что это за работа: подай, принеси, унеси, убери, подотри, поправь... «Агашка, поправь барыне шаль, не видишь, сползла... Гришка, принеси воды... Эй, девка, узнай у повара, готов ли обед... Душенька, пошли человека узнать, запрягли ли лошадей...». И так целый день.

Дворни в помещичьих имениях было много «Слуг по тому времени держали много»⁴, – вспоминал А.Фет. Даже небогатый помещик мог содержать несколько десятков человек крепостной прислуги. Б.Б.Глинский писал о тамбовской усадьбе своего дяди: «Флигеля, кухни, конюшни, амбары были переполнены народом...»⁵. По мемуарным воспоминаниям дворян, можно говорить об избытке дворни даже в конце XIX в., когда давно не было в помине крепостного права «на семью из пяти человек были повар, его помощник, судомойка, няня, подняня, горничная, лакей, буфетчик, кучера».

«Многочисленная «дворня» состояла из людей обоюбого пола и всех возрастов, в самых разнообразных должностях и званиях. Люди эти большею частью оставались в доме или при доме с рождения до смерти, составляя как бы особую касту в сельском населении. Некоторые личности до того свыкались со своим положением, что сами на себя смотрели, как на неотъемлемую принадлежность «барской» семьи, считавшиеся среди дворовых «аристократией» – няньки и «мамушки», горничные, управляющие. Затем шли: конторщик, камердинер «барина» (самая близкая к барину фигура, часто доверенное лицо), несколько лакеев, поваров, поваренков, кучеров, конюхов, скотников, скотниц, водовозов, множество мастеровых всех возможных специальностей, и т.д. и т.п. В некоторых усадьбах разделение труда было доведено до такой степени, например, «...дорожа искусством повара готовить котлеты, к нему приставляют под-повара, должностующего заменять его в случаях печальной «оказии»...»⁶. Полный штат дворовых мог себе позволить далеко не всякий владелец усадьбы. Возможностью содержать его располагали хозяева крупнопоместных усадеб.

В не лишенной преувеличений, но навязанной воспоминаниями «Пошехонской старине» М.Е. Салтыков-Щедрин пишет: «Что касается дворни, то существование ее в нашем доме представлялось более чем незавидным. Я не боюсь ошибиться, сказав, что это в значительной мере зависело от взгляда, установившегося вообще между помещиками на труд дворовых людей. Труд этот, состоявший преимущественно из мелких домашних послуг, не требовавших ни умственной, ни даже мускульной силы («Палашка! сбегай на погреб за квасом!» «Палашка! подай платок!» и т.д.), считался не только легким, но даже как бы отрицанием действительного труда. Казалось, что люди не работают, а суетятся, «мечутся как угорелые». Отсюда – эпитеты, которыми так охотно награждали дворовых: лежебоки, дармоеды, хлебогады. Стинет один лежебок – его без труда можно заменить другим, другого – третьим и т.д. Во всякой помещичьей усадьбе этого добра было без счета. Исключе-

ние составляли мастера и мастерицы. Ими, конечно, дорожили больше («дай ему плеху, а он тебе целую штуку материи испортит!»), но скорее на словах, чем на деле, так как основные порядки (пища, помещение и проч.) были установлены одни на всех, а, следовательно, и они участвовали в общей невзгоде наряду с прочими «дармоедами»⁷. И слуги, видя бесполезность всей этой суеты и учитывая свою многочисленность, норовят забраться куда-нибудь в уголок, сделать вид, что чем-то заняты, избежать этой беготни и окриков, надеясь друг на друга, а в итоге никого не дозовешься.

Таким образом, там, где несколько человек могли свободно управляться с работой, оказывался двойной комплект, но работа от того не только не выигрывала, но даже теряла, так как все эти «дубликаты» между собой ссорились, препирались и старались друг на друга свалить свое дело.

Дворня и дворовые люди в России остались забытыми великим законодательством 19 февраля 1861 г. и продолжали цепляться за своих прежних господ, они хотели жить и дорожили насиженным местом. К свободному наемному труду эти разные повара, горничные, ключницы и птичницы и прочий дворовой штат не были привычны; они привыкли работать из-под палки или ничего не делать. Палку «забрали» из рук помещика, дисциплины последний не сумел создать и вот, дворовой человек, очутившись на свободе, дал полную волю неизменным сторонам своей природы. С наступлением воли, его прежде принудительные страхи и почтения заменились каким-то беззаботным и распушенным панибратством.

Как-то никто не задумывался о том, что станет через несколько лет, когда резервы иссякнут. Не думали об этом ни обитатели чистой половины усадьбы дома, ни обыватели флигелей, конюшен и людских. Начало 70-х гг. XIX в. было роковым для многих из дворни, был разрешен тот вопрос о дворне, о котором забыло освободительное законодательство. Это время наделило их землей, но не той цветущей и производительной, о котором мечтали их предки и они некогда сами, а обычным клочком земли в рост человека, где царил могильный холод и ужас смерти...

Примечания

1. Литвак Б.Б. Русская деревня в реформе 1861г. Черноземный центр 1861-1895гг. М., 1972. С.40-45.
2. Глинский Б.Б. Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т.58. №10. С.71.
3. Там же. С.72
4. Фет А.А. Воспоминания. М., 1983. С. 32
5. Глинский Б.Б. Указ. соч. С.70.
6. Там же. С.72
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 10. Пошехонская старина. М., 1988. С.46.